

АЛИМОВА Б.М.

КНУ им. Ж. Баласагына, Бишкек

Alimova B.M.

J. Balasagyn KNU, Bishkek

bermet_alimova@mail.ru

**ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В 1990 ГОДУ НА ЮГЕ КЫРГЫЗСТАНА
1990-жылдагы Кыргызстандын түштүгүндөгү улуттар аралык конфликттин себептери
Reasons of the ethnic conflict in 1990 in the southern Kyrgyzstan**

Аннотация: в данной статье предпринимается попытка исследовать проблему, преодолев стереотипы в определении причин межэтнического конфликта в 1990 года на юге республики. В частности, в статье предлагается рассматривать данный конфликт как продолжение череды конфликтов на этнической почве, происходивших в Узбекистане, обратить внимание на поведенческие установки узбекской общины на юге Кыргызстана не как диаспоральные.

Аннотация: макалада 1990-жылдагы республиканын түштүгүндөгү улуттар аралык конфликттердин себептерин изилдөөдө проблеманы стереотиптерди жеңип чыгуу менен башкача көз карашта изилдөөгө аракеттер жасалды. Макаладагы конфликтти, Узбекстанда болуп өткөн этникалык негиздеги конфликттин уландысы катары кароо сунуш кылынат. жана Кыргызстандын түштүгүндөгү конфликттин диаспоралык кестигине көңүл бурулат.

Annotation: this article attempts to explain the problem from a different angle, breaking stereotypes in the study of the causes of the ethnic conflict in 1990 in the south of the republic. In particular, the article proposes to consider this conflict as a continuation of the series of ethnic conflicts that occurred in Uzbekistan, and pay attention to the behaviors of the Uzbek community in southern Kyrgyzstan is not a diaspora.

Ключевые слова: межэтнический конфликт; диаспора; община; Кыргызстан

Негизги сөздөр: улут аралык конфликт; диаспора; жамааттар; Кыргызстан

Keywords: ethnic; conflict; diaspora; community; Kyrgyzstan

Повторение межэтнической войны на юге Кыргызстана в июне 2010 года делает особо актуальными вопросы, связанные с перспективами строительства национальной государственности.

При исследовании причин межэтнического конфликта начала 1990-х годов изучены архивные материалы, в частности, стенограммы «легендарного» парламента, решения которого закладывали основу суверенного Кыргызстана, институциональной основы этнической политики страны.

Ценными источниками являются документы партии и правительства еще советского государства, как центральные, так и республиканские, где содержится информация об этой трагедии, были попытки дать оценку и сделать анализ событий.

Много полезной информации для исследования содержит периодическая печать Кыргызстана периода перестройки. Изучение их содержания позволяет более полно выявить контекст событий.

Изучение академического, политического и общественного дискурса причин трагедии на юге в 90-е годы выдвигают на передний план нерешённость проблем в социально-экономической сфере жизни южан, бюрократическую унификацию всех сфер жизни, повлиявшую негативно на этнокультуру народов. Резкой критике подвергнут лозунг о социалистическом интернационализме, который на деле был лишь прикрытием русификаторской политики, особенно в области языка, вызвавшей неприятие у всех этнических групп.

На первом месте – социально-экономическая версия. В академических кругах особо педалировалось нищенское положение кыргызской молодежи: безработица, бедность, жилищная проблема, конкуренция с узбеками из-за земли, тогда как все доходные сферы занятости, в том числе государственная система распределения и торговля, были захвачены узбеками. Узбекская община, несмотря на трудности переходного периода, все же смогла относительно безболезненно пережить наиболее тяжелые времена. И успешно определила свою нишу на рынке труда. Традиционная занятость узбеков в сфере торговли и услуг, а также в сельскохозяйственной сфере, позволила им, в то время, когда останавливались предприятия, а население страдало от безработицы и безденежья, заниматься востребованным делом, иметь стабильный доход.

Подтверждение достаточно успешного положения узбекской диаспоры – это отсутствие миграции. Тяжелое экономическое положение как фактор вызревания конфликтной ситуации указывается едва ли не во всех выступлениях и публикациях, посвящённых Ошским событиям.

На втором месте – политические факторы. С разными необоснованными и незаконченными формулировками изобилует версия правительственного заговора. Одни полагают, что эти события подготовлены и организованы властными структурами разных уровней.

Есть мнение, что это провокация КГБ, тщательно подготовленная, целенаправленная, осуществленная спецслужбами в целях дестабилизации обстановки, дискредитации курса перестройки, подавления демократического движения. Эти обвинения относительно центральных властей и, в первую очередь, КГБ выглядят неубедительно, и в последующие годы не было никакой информации, их подтверждающей.

Следующая версия связана с этно-территориально-статусными, или сепаратистскими факторами. Пока ещё не совсем организационно-оформленное, не масштабное этнонациональное движение в лице групп «заслуженных, известных представителей узбекской интеллигенции», делают попытку, выразить интересы своей этнической группы, выдвинув требование о предоставлении автономии, предъявляя претензии о недостаточной представленности узбеков во властных структурах, о перекосах в кадровых вопросах. Однако впоследствии не было выявлено существенной роли национальной элиты в процессе межнациональной напряженности и ее эскалации до уровня открытого конфликта. Считать эту версию определяющей в Ошских событиях невозможно, ввиду того что не было установлено, насколько фактически их действия оказались деструктивными.

Конечно, провоцирующими выглядят высказывания типа: «...города Ош, Джалал-Абад, Узген, Сузак, Карасу, Араван, Наукат, Бозор-Курган и ряд других, в которых узбеки составляли более 90% населения были включены в состав Кара-Киргизской АО», «...и многие другие города, села и кишлаки, в которых в те времена узбеки составляли подавляющее большинство населения, а кыргызы почти отсутствовали и мысленно представили его «очищенным» от узбеков и превращенным в кыргызскую этническую территорию, в кыргызские города и населённые пункты...», «Ю.Абдрахманов, И.Айдарбеков, А.Сыдыков и их соратники были первыми официальными лидерами кыргызов ККАО, которые алчным дьявольским взглядом фашистских хищников взглянули на узбекских людей, мирно живущих и трудящихся на своей родной земле, в своих родных городах и кишлаках таким образом, родоначальниками кыргызского антиузбекского шовинистического фашизма были Ю.Абдрахманов, И.Айдарбеков, А.Сыдыков и их соратники, далее их антигуманистические идеи и анти-узбекское фашистское мышление были внедрены в сознание следующих поколений кыргызов...» [1].

На наш взгляд, непосредственной важной причиной этих событий стала слабость власти, а не то, что власть провоцировала эти беспорядки. Ни центральная, ни республиканская, ни областная структуры власти не были заинтересованы в беспорядках, которые угрожали бы им самим. Самый пик межэтнических конфликтов относится к 1989-1990 годам. В 1989 году начинается реформа политической системы СССР. Суть реформы заключалась в передаче властных структур советским органам. Последние организационно не были к этому подготовлены, что привело к ослаблению центральной власти. Это означало потерю влияния центральной власти и на экономику, и на политику, и, соответственно, на социальные процессы, в том числе на межнациональные отношения. КПСС все более становилась нелегитимной. Попытка разделения функций между партией и государством привела к утрате интеграционной функции КПСС, что, в свою очередь, вызвало кризис политической системы. Именно поэтому центральная власть была неспособна разрешить конфликт, возникший в области межэтнических отношений. Центральная власть ослабела, а ситуация в Оше требовала твердой политической воли, немедленных и решительных действий. Десакрализация партийной власти делала попытки местного партаппарата решить конфликт, возникший между кыргызской и узбекской частью населения, неэффективными, снижала уровень управляемости социальными процессами. Попытка заменить Коммунистическую партию введением президентского поста также не привела к усилению позиций центральной власти. Развернувшаяся борьба между Горбачевым и Ельциным сводила на нет эти попытки, что привело к стремительной эскалации безнаказанности. Экстремизм мог возникнуть в преддверии ослабления центральной власти и усиления сепаратистских настроений и усиления региональной автаркии. Разрушалось единое социокультурное пространство населения страны, когда большинство людей остались в ситуации потери социальной идентичности и

актуализировалась этническая идентичность. Как известно, проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершённых исторических перемен, модернизаций.

В отличие от событий 2010 года в Кыргызстане, конфликт 1990 года не переместился в информационную или политическую плоскость с продолжением полемики о том, каковы причины этого, и кто виноват. Как в кыргызских, так и в узбекских академических кругах существовало табу на эту тему. Однако интерпретация и оценка тех событий популярны среди российских ученых. Рассматриваются события 1990 года схематично: насилие «большинства» над «меньшинством», «гонители» – это кыргызы, «жертвы» – узбеки. Такую интерпретацию усиливает работа известного, авторитетного российского антрополога В.А. Тишкова, где отражены только те эпизоды судебных дел, в которых, рассматриваются преступные действия групп людей кыргызского этноса над узбеками [2].

Для изучения причин и механизмов тех событий, хотелось бы поставить вопрос о целесообразности рассмотрения межэтнического конфликта 1990 года как продолжения беспорядков, которые имели место в Ферганской области Узбекистана. В академических кругах такая постановка проблемы пока ещё не встречалась. Но в публичном дискурсе она подается как звено одной цепи событий, происходивших в Узбекистане: «Новейшая история Узбекистана изобилует экстремистскими проявлениями в отношении людей иных национальностей – массовыми погромами, насилием, грабежами и убийствами людей: 1969 год – массовые националистические нападения озверевших молодчиков на славянских граждан в Ташкентской области. Май-июнь 1989 года – Ферганские события, изгнание 20 тысяч турок-месхетинцев, массовые погромы, грабежи, убийства тысяч турок, русских и татар, бегство народов из республики. Февраль-март 1990 года – бесчинства в Букэ и Паркенте. Июнь 1990 года – ошско-узгенские события, узбекско-киргизский конфликт на экономической почве, сопровождавшийся убийствами людей. 1991 год – националистические выступления в Намангане. 1992 год – беспорядки и бесчинства в Ташкенте в студенческом городке». Далее: «Уже в декабре 1988-го на многотысячном митинге в Ташкенте мелькали транспаранты «Русские! Уезжайте в свою Россию, а крымские татары – в Крым!». В феврале 1989-го в Ташкенте озверевшие молодчики уже в открытую нападали на граждан славянских национальностей в транспорте...» и т. д. [3]

Самыми продолжительными были события в июне 1989 года в Фергане. По данным комиссии ЦК КП Узбекистана, в них погибло 103 человека, из них 52 турка-месхетинца, 36 узбеков, травмы получили 1011 человек, ранено 137 военнослужащих ВВ и 110 работников милиции. Сожжено и разграблено 757 жилых домов, 27 государственных объектов, 275 единиц автотранспорта [4]. Обращает на себя внимание интенсивность, ожесточённость и массовость беспорядков: «...большие массы народа блокировали войска на подступах к Коканду, осаждали административные здания. Численность осаждавших РОВД в Ташлаке, например, оценивается от 3 тыс. до 5-6 тыс. человек. Официальная оценка общей численности участников беспорядков в Ферганской области, то есть лиц, представлявших нападавшую сторону, дается в диапазоне от 10 тыс. (начальник УКГБ по Ферганской области Н.Г. Лесков) до 70 тыс. чел. (Генеральная прокуратура СССР) [5].

Если обратиться к психологическим моделям природы межэтнических конфликтов, то видно, что здесь особое место занимают поведенческие концепции. Одна из них – теория фрустрации – агрессии, согласно которой, фрустрация — это состояние опасности от нанесенного группе ущерба, и стресс как результат возникших на пути к цели препятствий, которая выливается в агрессию. Наглядным примером этнической фрустрации узбекского населения могла быть череда событий в перестроечный период: громкие разоблачения о коррумпированности власти, о трагедии Аральского моря, о загрязненности окружающей среды, о последствиях внедрения монокультуры хлопка, растущие экономические и социальные проблемы, особенно в сельских местностях - все это вместе взятое формировало у больших групп узбекского населения комплекс жертвы и чувство этнической ущемленности. Расследования Генеральной прокуратуры СССР под руководством Т. Гдляна и Н. Иванова, хищений и «приписок», взяток вышестоящим и контролирующим инстанциям задела немалую часть населения. Тогда было осуждено более чем 20 тыс. человек, причем это была не только партийная и государственная «верхушка». Ввиду того, что эти процессы были инициированы центральными властями и сопровождались частыми нарушениями законодательства, местное население восприняло это как вопиющую несправедливость, тем самым умножая ресурс национальной неприязни. В 1986-1988 гг. проходили стихийные митинги недовольных родственников. В конце 1988-начале 1989 гг. меняется роль власти, как центральной, так и республиканской, частью населения она

воспринимается как «неправедная» или «не совсем праведная». Резко снижается уровень страха перед властью. В Ташкенте и в других местах прошли митинги и столкновения, а участникам за это ничего не было. Толпа почувствовала свою силу, власть продемонстрировала колебания и неуверенность.

Почти два года в стране обсуждались «межнациональные отношения». Больше года продолжался Карабахский конфликт, и публика была приучена оценивать происходящее в категориях этнических противостояний [6]. Одними из важнейших компонентов «перестройки», по определению А.Г. Осипова, были разные силы, которые настоятельно рекомендовали советским людям осмысливать социальные проблемы как проблемы этнические. Трудности Узбекистана, таким образом, стали восприниматься как проблемы узбекского народа, привнесенные извне [7].

Нагнетаемая фрустрация в масштабе республики перешла в конфликтную и в кризисные (или насильственные) фазы. Американский психолог Ирвин Стауб ввел понятие «тяжелых времен». Согласно его мнению, «тяжелые времена – это не обязательно самый трудный или очень трудный период социально-экономического развития страны. Это психологическое понятие. Тяжелые времена – это ощущение депрессии, безнадежности, окруженности врагами, ощущение несправедливости, совершаемой «к моему народу...». Именно этот комплекс чувств, по Стаубу, является предпосылкой массовых убийств и геноцида. За «годы тяжелых времен» в обществе накапливаются раздражение и агрессия, которые потом находят выход в варварских актах геноцида [8].

Меньшее количество различных преимуществ (материальных и духовных благ, власти и т.п.), чем у других ведет к фрустрациям, которые неизбежно выливаются в агрессивное поведение, которое может ослабевать только при условии причинения ущерба обладателю этих благ. Безуспешные попытки причинить вред другому приводят к усилению агрессии, поэтому только успешные атаки, сопровождающиеся причинением ущерба объекту агрессии, способны ослаблять или полностью устранять агрессивное побуждение [9].

Если бы не своевременная эвакуация турков из зоны беспорядков, жертв могло быть намного больше. Однако это усиливало фрустрацию участников погромов. Чем в большей степени субъект предвкушает удовольствие, чем сильнее препятствие и чем большее количество ответных реакций блокируется, тем сильнее будет толчок к агрессивному поведению [10].

Возможно поэтому погромы и насильственные действия в Узбекистане продолжились. Конфликт закончился не примирением, а депортацией турков. Однако беспорядки на этнической почве в Узбекистане имели продолжение: май 1990 год – погром квартала, населенного евреями и армянами, в Андижане. Ноябрь 1990 год – убийство толпой нескольких русских солдат в Намангане. «Нападениям толпы подвергались не только турки. Примечательно, что о Ферганских событиях высказывались также разные активисты и структуры крымско-татарского движения, для них слово «Фергана» означает погромы не только турок, но и крымских татар. В представлении о Ферганских событиях как исключительно расправе с турками не очень хорошо вписываются беспорядки в Кокандской зоне. Именно там, где турок было очень мало или не было совсем, столкновения носили наиболее ожесточенный характер» [11].

Перед тем как вернуться к Ошским событиям, обратимся к выводам авторитетного исследователя: «Таким образом, «события» в широком смысле слова происходили, по меньшей мере, в семи областях Узбекистана, заделали соседние районы Таджикистана и охватили период с мая 1989 до конца 1990 года. Кроме того, Ферганские события серьезно осложнили положение турок в прилегающих к Ферганской области районах Киргизии, многие из них стали опасаться за свою безопасность. Происшедшие через год, в июне 1990 г. Ошские события заставили многих местных турок бежать в Казахстан или в Россию. Впоследствии Ферганские и Ошские события, судя по более поздним интервью, слились в представлении этих людей в единое целое, в непрерывную череду угроз туркам со стороны узбеков» [12].

Известно, что на статус «коренного народа» претендовала узбекская группа населения в Кыргызстане: «Жители колхоза имени Ленина воспринимают принятое решение о выводе из оборота 32 га поливных земель как оскорбление узбекского народа, что вот пришли киргизы с гор, сегодня захватили нашу землю, завтра выгонят из собственного дома, а послезавтра надругаются над нашими женами и сестрами» [13]. Естественно, тогда в их глазах борьба «за свою землю» становится «правой» и легитимной. Из обращения группы узбекских аксакалов из Жалал-Абадской области к руководству СССР ясно, что узбекская община позиционировала себя не только как «коренное население», но и как «большинство». Претензии узбекской части населения

на статус «коренного народа» делали в их глазах легитимными претензии на «свою» землю. Кыргызы рассматривались как «меньшинство», которое надо поставить на свое место или «проучить». Выселение кыргызов 1 июня того года из арендуемых квартир еще раз свидетельствует об этнизации противостояния узбекскими группами.

Как известно, этим событиям предшествовала этническая экспансия кыргызов в город Ош. В конце 1980-х явления этнической экспансии кыргызов и этнической фрустрации узбеков были взаимосвязаны и усиливали друг друга. А экспансия вызывает как дальнейшее распространение астенического и депрессивного состояния в принимающем сообществе, так и ответную агрессию.

Сплоченность узбекской группы и осознание ее членами первостепенной важности языка и культуры по отношению к иным социальным связям были более значительны. Если в кыргызском обществе именно родство определяло рамки социума и групповой лояльности, отсутствие этнического единства, то для узбекской группы характерно более яркое выражение процесса формирования этнического единства. Как известно, еще в советский период Узбекистан, имея достаточные культурные, демографические, материальные и институциональные возможности, ассимилировал различные этнические группы, в том числе и кыргызов. Такая же картина наблюдалась в Оше, хотя степень ассимиляции здесь была зачаточной и слабой, недостаточно эффективной. В целом, можно говорить о повышенной значимости этнической идентификации в самосознании узбекского этноса по сравнению с кыргызским этносом, имеющим незавершенный процесс национального строительства.

Рассмотрим поведенческие установки другой стороны участников этого конфликта – кыргызов. Как показывают изученные материалы, в Кыргызстане движения за национальное возрождение не носили этнической окраски. До событий 1990 года не были отмечены какие-либо выступления на этнической почве. (За исключением некоторых высказываний небольшой части кыргызской интеллигенции о судьбе кыргызского языка). Протестные движения кыргызов, которые были достаточно интенсивными, ограничивались самозахватом земли, затем постепенно приобретали политический характер. 24 общественных организации, объединившиеся в «Демократическое движение Кыргызстан», 25 мая 1990 года на учредительном собрании провозгласили своей целью: «...укрепление независимости Киргизии, установление демократической многопартийной политической системы, введение различных форм собственности, свободное функционирование частного сектора...» [14].

В Оше, единственное организованное общественное движение «Ош аймагы» имело целью обеспечить людей земельными участками для строительства домов. Надо обратить внимание на то, что они свое недовольство тем, что «в сфере торговли и обслуживания населения города в подавляющем большинстве оказались лица узбекской национальности» выражали властям, требуя за это смещения с должности первого заместителя председателя Верховного Совета Киргизской ССР, бывшего первого секретаря обкома. Как видно, адресатом их претензий выступает не этнос, а власть. Публичный язык обвинений и защиты, к которому прибегали кыргызы, – политические заявления.

Какой-либо реакции кыргызской стороны на «сепаратистские» требования на обращения группы аксакалов из Жалал-Абадской области к руководству СССР и первому секретарю ЦК А.М. Масалиеву по тому же поводу не последовало. Спусковым механизмом этих событий послужила не этнизация, в отличие от событий 2010 года требования узбеков об автономии тогда, в 1990 году, не рассматривались как покушение на кыргызскую землю или на кыргызскую государственность. Более того, в ситуации, когда с 1 июня узбеки отказали «в найме жилья киргизам, в результате чего более 1500 киргизских квартирантов, проживающих на частных квартирах у узбеков, оказываются на улице и пополняют собой тех, кто требует выделения земельных участков» [15] недовольство кыргызов было направлено не против узбеков, а против властей, в виде предъявления им ультиматумов, об ускорении выделения земельных участков для строительства индивидуальных жилищ. Иначе говоря, отсутствие со стороны кыргызов силовых ответов на провоцирующие действия узбеков свидетельствует о том, что на тот момент их действия остаются этнически неокрашенными. Этничность для них - не мобилирующий фактор до трагического 4 июня. Но и 4 июня, до начала беспорядков, только одна сторона была готова к межэтническим столкновениям. Например, «согласно докладной записке тогдашнего председателя КГБ Киргизской ССР Джумабека Асанкулова, ... люди начали скапливаться на поле колхоза им. Ленина уже с шести утра 4 июня. Киргизов пришло около 1,5 тысяч, узбеков – более 10 тысяч. К обеду из детских садов и яслей Оша были забраны все дети узбекской национальности, к 16 часам узбеки – руководители организаций – распустили своих сотрудников по домам».

Далее докладные записки силовых структур свидетельствуют, что ценой огромных усилий армии и милиции удалось избежать вовлечения населения Узбекистана в конфликт на территории Киргизской ССР, когда поход вооруженных узбеков из городов Наманган и Андижан в Ош был остановлен в нескольких десятках километров от города,

К сожалению, объем статьи не позволяет подробно описать те события. Но вышеизложенных фактов достаточно, чтобы рассматривать Ошский межэтнический конфликт 1990 года как продолжение череды событий, происходивших в Узбекистане.

Литература

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1990. – 240 с.
2. Асанканов А.А. Кыргыз: Рост национального самосознания.– Бишкек, Мураc, 1997. – 225 с.
3. Дробижеева Л.М. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. – М.,1981. 236 с.
4. Тишков В. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир,1997. – 532 с.
5. Осипов А. Г. Ферганские события: Конструирование этнического конфликта. В кн.: Ферганская долина: этничность, этнические процессы этнические конфликты. – М., 2004. – 430 с.
6. Разаков Т. Ошские события. – Бишкек, 2011. – 161 с.
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., Смысл, 1998. – 386 с.